

ЭТО СТЕПЬ, БРАТИШКА...

Это степь, братишка, это степь:
Зори над распаханной землею,
Струны рек, сжимаемые зноем,
На кургане одинокий воин —
Приглядишься, дружище, это — степь.

Никуда не торопись, нам не поспеть:
Над землей всевечны песни тризны.
Ветер раскидает струны призмы
Солнечной. Да кто мы без Отчизны?
Это — степь, ты понимаешь, степь.

Нам о подвигах бывшего песни петь,
Мелом из бескрайнего оврага
Чиркнуть в темь. И дальних воев сагу
Слушать, как сбиралися в ватагу,
В пир кровавый. Понял? Это — степь.

Крошки хлеба в небе рассмотреть,
Вспомнить чумаков; жарой по соли
Золотится за возами поле...
Небо, солнце, птицы. Вот где воля.
Что ни глянешь — степь. Большая степь.

Тракты. Черно-битумная сеть.
Ближе к ночи все дороги тоньше.
Фары и упрямый дальнобойщик...
И всю ночь зияет трассы росчерк,
Пробивая время через степь.

— Лен, алло... Я еду через степь...
Сыплет в стекла моросью осенней...
Позвоню чуть позже. Время сверим.
.....
— Во-он мелькнули огоньки деревни...
— Это степь, братишка. Просто степь.

* * *

Ластится к ногам ковыль,
Как собака. Жметя, вьется,
Красит в купола холмы,
Где полуденное солнце
Разлилось на целый свет.
Там, за краем, края нет
Вовсе.

Вдалеке от колеи,
От дорог, забот, событий
Ковылиный зрак земли —
Вековечный тихий зритель,
Где луна над звоном стали
Молчалива, словно мел,
Где тумана саван бел
Плавит.

Млеет жаркая земля
Под полынным духом ветра.
Только омут ковыля
Манит все куда-то в недра,
Где струятся предков волны;
И, к граниту прислонясь,
Ты читаешь вековязь:
Холмы.

45-й «ВОРОНЕЖ—МОСКВА»

В тех селах, где народа схрон
Закутан в паутину крон,
Гуляет ветер, заострен
Наждачным снегом.

Где над трубой дымок стоит,
Где прост и ритуален быт —
Там каждый живший не забыт
Со дня до века.

Мы думаем: нам все дано,
И крутим дней веретено,

Глядим в вагонное окно,
Не ищем берега.

Мы рассчитали каждый жест —
Да где-то там, меж диких мест,
Стоит один, но древний крест.
И это — веха.

* * *

Ушел за Лету майский светлый сад.
Вон марево качает мела стены,
А ты теплу совсем уже не рад
И обтекаешь жаром постепенно.

Пыль по пути прожарила ступни,
Засохли бронхи, опустились плечи,
Скажи себе: садись и отдохни,
Чтоб разглядеть веселый вид далече.

Там за рекой — луга и облака,
Зеленые — да-да! — дубы и вербы,
И камыши, зеленые пока,
И поля клин... Дома, руины фермы...

И здесь не жар, но нега и теплынь.
Тень. Старая белесая осина.
И запахи. Особенно полынь.
И звук какой-то. Гуслей? Клавесина?

Нет. Звон пчелы и баритон шмеля,
Хруст ветра и комар. А сей откуда?
Здесь, на юру, обветрена земля.
Да что тут скажешь? Жизнь — такое чудо!

Ух! Запах сладкий. Терпкий и чудной.
Так пахнут степи под небесным жаром,
Так пахнут соразмерность и зной,
Так пахнет мир, что получаешь даром.

Хотя... Вот эта горечь неспроста.
Под почвою — слои. Они кровавы.
Разлитая по степи красота
И иглы многослойной давней славы.

* * *

Когда в туман уходят лица,
Но голоса еще звучат,
Сединка первая искрится,
Ты вспоминаешь дивный сад,

И хор друзей, и песни неги,
Но видишь груз, и грусть, и хлам.
И знаешь: скоро на ночлеги
Не только им.
И нам...
...И нам.

* * *

За окном, под луной,
Дальней степи покой и полуда.
Над рекой, над туманом,
Привычных не видно примет.
Чистой ночи покой
И ее неприметное чудо —
То, которым ты ровно и ясно,
Покойно согрет.

Шелест листьев, испуг
И удар перезревшего плода.
Этот яблоколет
Сонмом строк
Многоцветно воспет.
Грубовата, проста
Дышит в темя и очи природа,
Как дышала всегда до тебя
Эти тысячи лет.

Зри: лежала-текла по равнине
Тумана полуда,
А прозрачная ночь устремлялась
В холодный рассвет.
И всегда человек говорил себе:
— Ведай, покуда
Не найдешь на исходе
Последний и точный ответ.